

Рецензии

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.6

EDN: QYTVNE

Гегемония и трансформизм: постсоветские профсоюзы как объект изучения

Ссылка для цитирования:

Бизюков П.В. Гегемония и трансформизм: постсоветские профсоюзы как объект изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 110–120. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.6> EDN: QYTVNE

For citation:

Bizyukov P.V. (2024) Hegemony and Transformism: Post-Soviet Trade Unions as an Object of Study. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 3. P. 110–120. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.6>

Бизюков Пётр Вячеславович

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
проект «Мониторинг трудовых протестов»,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: bizyukov.pb@gmail.com

Рецензия на книгу: Кулаев М. Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России. М.: Издательство Института Гайдара; СПб.: Центр экономической культуры, 2023, 504 с.

В статье обсуждается книга Максима Кулаева «Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России», посвященная истории профсоюзного

и рабочего движения в постсоветский период. Автор делает попытку не просто изложить то, что происходило с профсоюзами на протяжении последних тридцати с лишним лет. Он пытается осмыслить это, опираясь на теорию Антонио Грамши, который писал о необходимости формирования гегемонии не столько политической, сколько о социально-культурной, позволяющей выработать ценностные основы для доминирования трудящихся и противостояния господствующей гегемонии капиталистических элит.

Безусловную ценность представляют те разделы, где автор описывает историю, дискурс и взаимодействия профсоюзов с разными политическими силами и социальными движениями. Важно, что книга построена на огромном массиве разнообразной информации — на наблюдениях, документах, интервью, материалах других исследователей. Это позволило автору критически взглянуть на данные, полученные в 1990-х годах, когда многое еще было неизвестно и непонятно. Теперь это взгляд на постсоветское развитие рабочего и профсоюзного движения спустя треть века. Книга представляет интерес для исследователей социальных структур, профсоюзного и рабочего движения, социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: профсоюзы; рабочее движение; гегемония; трансформизм; трудовые отношения

Многие читатели и даже эксперты, услышав что-то о профсоюзах, восклицают: «Профсоюзы? А разве они еще у нас есть?» Приходится объяснять, что они не только существуют, но их довольно много, разных типов и с очень большим членством — около 20 миллионов, по отчетам самих профсоюзов. К сожалению, число это трудно проверить: независимых источников, способных оценить такие данные, нет, учетом занимаются сами профсоюзы и их аппарат. Но даже если оно завышено, то все равно это одна из самых многочисленных, если не самая многочисленная общественная организация в стране. Разумеется, членство в профсоюзе часто бывает формальным, иногда работников записывают туда автоматически, при приеме на работу, иногда они вступают туда «на всякий случай» — в расчете, что смогут что-то получить, например материальную помощь или подарок для детей к Новому году.

Есть, правда, у профсоюзов и иная функция — защита интересов и прав работников, — с которой они справляются с разной степенью успешности. Исторически сложилось два типа профсоюзов: одни наследники советских, сохранившие большую численность, разветвленный бюрократический аппарат, охватывающий своими подразделениями всю территорию страны и, что значимо, владеющие немалой собственностью, способной приносить значительный доход. Но главное, они за все постсоветские годы сохранили настолько тесное взаимодействие с работодателями и властями, что чаще это можно охарактеризовать как лояльность.

Другой тип профсоюзов возник в постсоветские годы и провозгласил иной подход к регулированию трудовых отношений. Они пытались достигать своих

целей за счет противостояния работодателям и конфликтов с ними, организуя протесты, забастовки, митинги и т.п. Позже, в конце 1990-х, когда протестная активность была взята под контроль и наказание за незаконные забастовки стало реальным, они нашли другой вариант, а именно использование закона, который давал немало прав и возможностей отстаивать интересы работников. И конфликты, и правовые методы были новым словом в профсоюзной деятельности в России, это альтернативный подход к регулированию трудовых отношений по сравнению с традиционным способом действий, когда профсоюз то ли выпрашивает у работодателя какие-то послабления, то ли сдерживает работников, не давая им задеть интересы собственников.

Одна из дихотомий, с помощью которых маркировались постсоветские профсоюзы, была такой: традиционные (наследники советских организаций, входящие в Федерацию независимых профсоюзов — ФНПР) и альтернативные (созданные в постсоветские годы, опирающиеся на новые подходы, объединенные в Конфедерацию труда России — КТР). Со временем они переняли друг у друга немало успешных практик. Традиционные профсоюзы, например, стали эффективно использовать опыт отстаивания прав своих членов в судах, а альтернативные — находения компромиссов и даже сотрудничества с работодателями.

В разные годы разными авторами делались попытки изучить состояние профсоюзов и траекторию их постсоветского развития. Эти авторы создали неплохие описания состояния и активности профсоюзов в разные годы и во многих регионах. Такой подход создает мозаичную картину, фрагменты которой взяты из разных времен, в них описываются различные организации, действующие во многих отраслях и регионах. Разумеется, при достаточно большом количестве фрагментарных описаний в конце концов можно составить более или менее полное представление о том или ином объекте. Но значительно большей ценностью обладают тексты, в основе которых лежит теория, позволяющая увязать факты и события в целостную картину и даже прогнозировать развитие ситуации или явления. В качестве иллюстрации здесь вполне уместна фраза, приписываемая К. Гельвецию, философу второй половины XVIII века: «Знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов». Корректный теоретический подход позволяет не складывать мозаику, а понять, с чем мы имеем дело, как оно меняется и как будет развиваться в дальнейшем. Книга М. Кулаева «Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России», выпущенная издательством Института Гайдара в 2023 году, выглядит именно такой попыткой подвести серьезную теоретическую базу под описание того, как формировалось российское профсоюзное движение в постсоветские годы, каковы его особенности как акторов, участвующих в регулировании трудовых отношений и чего им удалось достичь.

В качестве основы своего исследования автор взял теорию А. Грамши о гегемонии, рассматривавшего ее не столько как инструмент политического господства, сколько как систему социально-культурных взаимодействий. Он считал, что во многом именно через это разные группы продвигают свои

ценности, установки и взгляды на мир. Политический контроль, безусловно, важен, но согласие большинства на некой социально-культурной платформе необходимо. Профсоюзы А. Грамши рассматривает как представителей массового класса трудящихся, который не имеет господствующих позиций в обществе, но который должен на них претендовать. Ведь, по его мнению, именно на этой основе создаются исторические блоки, определяющие не просто облик общества, а гегемоническую формацию.

В качестве дальнейшего развития грамшианской теории М. Кулаев предлагает обратиться к подходу Э. Лакло, утверждавшего, что социальные практики и знания конструируются через изменчивые взаимодействия людей и не являются жестко фиксированными или естественными. Именно так формируются идентичность людей и их отношение к окружающей среде, власти. Э. Лакло особо подчеркивает, что взаимодействия находятся в динамическом развитии. И А. Грамши, и Э. Лакло утверждают, что работники и близкие к ним социальные группы должны стремиться и даже навязывать свой дискурс, оттеснить эксплуататорские классы от власти. Фактически речь идет о формировании и развитии стратегии контргегемонии, хотя здесь приходится сталкиваться с тем, что А. Грамши назвал трансформизмом, то есть процессом, через который оппозиционные политические и социальные группы пытаются адаптироваться к существующему порядку и его нормам, вместо того чтобы открыто противостоять ему.

Здесь особо стоит обсудить идею гегемонии пролетариата, прежде всего то, насколько она возможна. Рассуждая о специфике классовой структуры, В. Ильин отмечает, что «Классовая структура формируется по одному критерию — отношению к капиталу» [Ильин, 2000: 221]. У одних он есть, у других его нет, и нетрудно понять, что обладатели капитала имеют больше возможностей для того, чтобы оказывать влияние и на наемных рабочих, и на представителей других социальных групп. Меняется структура капитала, меняется и структура труда, а следом — занятости и в конечном счете — классовая структура. В связи с этим встают вопросы. А как класс, который находится в зависимом положении, сможет установить свою гегемонию? За счет чего он будет оказывать свое влияние на другие классы, группы и слои, если «ключи» от преобразований находятся у владельцев капитала?

Культурная гегемония должна осуществляться через то, что А. Грамши называл «историческим блоком», то есть комплексом надстроечных переплетений, специфических для каждой страны, через которые формируется «национальный интерес». Как зависимый класс, то есть пролетариат или наемные работники, сможет добиться широкого согласия и создать этическое государство и моральную экономику, ограничивающую капиталистическую жадность и произвол? Это крайне важный и отнюдь не риторический вопрос, пришедший из прошлого. Необходимость переустройства экономики на моральных и этических принципах все чаще обсуждается в научной литературе. Дж. С. Скотт рассматривал эту проблему в своей книге “The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia” [Scott, 1976]. Об этом писал С. Боулз, назвавший свою книгу «Моральная экономика. Почему хорошие

стимулы не заменят хороших граждан» [Боулз, 2017]. Дж. Стиглиц [Стиглиц, 2015] и П. Кругман [Кругман, 2009], нобелевские лауреаты по экономике, также писали о том, что современная экономика не сможет нормально функционировать, если в ней не будут соблюдаться принципы справедливости и будет нарастать неравенство. Их нельзя назвать последователями А. Грамши, но они, пусть и с разных сторон, подходят к тому же вопросу: как преодолеть засилье капитала и предотвратить нарастание отчуждения и деградации общества, о котором писал еще К. Маркс.

Наследие А. Грамши редко используется в качестве теоретической базы для современных исследований. Однако М. Кулаев сделал весьма интересную попытку рассмотреть развитие российских профсоюзов с точки зрения их способности формировать гегемонию или сопротивляться той ее разновидности, которую навязывают российские господствующие классы. Он приводит довольно много примеров того, как профсоюзы выстраивали свое взаимодействие в странах, прежде всего в Южной Америке. Показано, что это было не всегда удачно и происходило скорее в рамках трансформизма, когда профсоюзы старались приспособиться к политическому режиму. Но при этом в рецензируемой книге почти не упоминается богатейший опыт польской «Солидарности», которая, пожалуй, наиболее последовательно действовала в рамках грамшианской стратегии. У «Солидарности» был тесный контакт с церковью, с журналистами, учеными и общественными деятелями — как лояльными по отношению к тогдашним властям, так и с оппозиционными. Наконец, участники польского движения взаимодействовали с артистами, спортсменами, писателями — всеми теми, кто формирует ту самую социально-культурную среду. Пожалуй, этот опыт может рассматриваться как пример успешной реализации профсоюзной гегемонии, хотя, как показала история, доминирование профсоюза продолжалось недолго. «Солидарность» расчистила дорогу тем, кого в рамках грамшианской теории называют эксплуататорскими классами, и удержать свои позиции она не смогла даже несмотря на то, что ее лидер занял президентский пост и был признан на международном уровне, получив Нобелевскую премию мира.

Здесь нужно отметить еще одну важную для анализа особенность: речь идет о классах, классовом сознании и т.п. категориях, оперирование которыми было актуально для эпохи А. Грамши. Для того времени человек был привязан к классовому статусу и чаще всего не мог его изменить. Но в современных условиях, когда доминирует корпоративный капитализм, возникает «распыление» социальных позиций — работник может иметь акции и занимать одновременно позиции наемного работника и собственника. Да и позиция работодателя (например, наемного директора) не совпадает с позицией собственника. Это ставит под вопрос классический классовый анализ и требует иного, более гибкого подхода [Ильин, 2000: 221]. Поэтому говорить о гегемонии класса, формировании исторических блоков становится непросто.

Пожалуй, наиболее ценная часть книги М. Кулаева — это главы о постсоветском развитии профсоюзов, преимущественно альтернативных. Автор довольно точно следует выбранной методологии и не просто описывает как

они возникали, с какими трудностями сталкивались и т.п. но и подробно рассматривает дискурс акторов, которые были вовлечены в те события. Особое внимание стоит обратить на информационную базу исследования автора. Он давно и тесно сотрудничает с профсоюзами и был очевидцем многих событий, происходивших с их участием. Думается, неслучайно его книга демонстрирует понимание дискурса профсоюзных лидеров и активистов, используемого ими в разные годы. То, что выходит за пределы собственных наблюдений, автор восполняет другими источниками, прежде всего документальными. Исследователи профсоюзного движения знают, что профсоюзные функционеры не очень охотно открывают свои документы и данные для внешних наблюдателей.

Большое значение имеет информация, полученная автором от лидеров, активистов, рядовых членов в ходе многочисленных интервью. Это то знание, которое может быть получено только при включении исследователя в поле и доверии опрашиваемых к нему. Перед «чужими» эти люди не откроются или дадут какую-то декларативную информацию, не будут рассказывать о проблемах, неудачах и их причинах. Наконец, автор много и добросовестно изучал литературу, в которой описывалось состояние профсоюзов в разные годы, использовал результаты и выводы, опубликованные там, и, что очень важно, подходил к ним критически. Дело в том, что в разные годы, например, в ранние 1990-е, не все исследователи были объективны по отношению к возникшим новым профсоюзам или по отношению к традиционным. Это вполне понятно, ведь тогда у них не было знаний ни о профсоюзах, особенно новых, ни об их функциях и роли в социально-экономической жизни общества, поэтому с большим сочувствием и интересом описывалось все новое и, наоборот, негативно оценивалось то, что сохранилось с советских времен [Гордон, 2000: 189–195].

Вторая глава книги посвящена истории профсоюзов, прежде всего альтернативных: как они рождались, как включались в политическую борьбу, что способствовало их подъему и какие у них были трудности и неудачи. Это очень важное описание — подробное, с деталями, позволяющее читателям в режиме исторической хроники узнать о событиях, которые все больше уходят в прошлое.

Особое внимание уделено шахтерской забастовке 1989 года, довольно подробно описана ее хронология и, что очень важно, ее развитие и влияние на социально-общественную жизнь страны. Ведь шахтеры не только создали свой Независимый профсоюз горняков (НПГ), но и политическую организацию «Союз рабочих Кузбасса», они повлияли на традиционный профсоюз, в котором тоже начались трансформации. Сегодня редко вспоминают о забастовке 1989 года, и уж тем более забыты роль шахтеров в трансформации профсоюзов и их влияние на социально-политическую ситуацию в стране. Авторы, которые описывали те события, делали это достаточно давно и, разумеется, не видели того, что произошло позже, через десять-двадцать лет.

Шахтеры, помимо собственных успехов, подали пример для других — профсоюзы стали возникать в различных отраслях и регионах. Учителя,

авиадиспетчеры, железнодорожники и др. начали создавать организации, с разной степенью успешности пытавшиеся защищать их интересы. Но, как правильно замечает автор, эффективность их деятельности во многом зависела от того, с какими силами они сотрудничали. Стало очень важно наличие политических патронов, но многие профсоюзные лидеры, которые оказывали поддержку Б. Ельцину и его команде, вскоре разочаровались в таком токсичном сотрудничестве. Падение уровня жизни, безработица, закрытие предприятий, многомесячные задержки зарплаты заставили работников и их представителей отказаться от поддержки властей и перейти к их критике. Поиск новых политических покровителей от ЛДПР до КПРФ показывает, в каком непрестом положении оказались профсоюзы в то время. Это были молодые организации, которые возглавляли люди, не имеющие никакого опыта руководства, тем более столь специфической организацией, как профсоюз.

Возможно, неслучайно целая глава книги посвящена неудачам профсоюзов. К наиболее крупным провалам автор, со ссылками на многочисленные источники, относит неспособность организовать в стране централизованное рабочее движение, которое смогло бы выработать собственную программу. Важным следствием этого стало разностороннее манипулирование профсоюзами со стороны директоров предприятий и региональных руководителей, использовавших рабочие организации и профсоюзы для оказания давления на центральные власти. В рамках грамшианской терминологии автор характеризует такую ситуацию как трансформизм, когда представители рабочих принимают существующие механизмы власти и стараются интегрироваться в систему.

Второй по масштабу неудачей рабочего движения автор считает принятие нового трудового законодательства, которое значительно сузило возможности для профсоюзов (хотя в нем и сохранилось большинство норм регламентов из советского КЗоТа). Это стало реакцией властей на требования работодателям сделать законодательство более гибким для того, чтобы иметь возможность снижать трудовые издержки. Но одновременно повысилась внимание государства к соблюдению законов, которые тем не менее оставляли работникам возможность отстаивать свои интересы. Разумеется, практически сразу в профсоюзах усилилось правовое направление, благодаря которому был получен новый импульс развития.

Одновременно открылось еще одно окно возможностей, связанное с приходом в Россию транснациональных компаний, которые вместе с технологиями принесли и традиционную культуру взаимодействия с персоналом, не только не исключаящую, но и подразумевающую сотрудничество с профсоюзами. И они, разумеется, появились сначала на заводе «Форд» в Ленинградской области, а позже на «Фольксвагене» в Калуге, на предприятии по производству мороженого «Юнилевер» в Омске, на предприятиях и в магазинах «ИКЕА» и др. Важно не то, что там возникли профсоюзы, а то, что они стали добиваться успехов, сочетая умение опираться на закон, коллективные действия и даже забастовки.

Их успехи, которые стоит оценить как скромные, тем не менее воодушевили других, и вот уже в Пикалево традиционный горно-металлургический профсоюз организует не просто забастовку, а акцию гражданского неповиновения,

которую приходится улаживать высшему руководству страны. Вспыхивает протест в Междуреченске (Кемеровская область), вызванный неуклюжими высказываниями руководителей угольных предприятий и региональных властей после аварии на шахте «Распадской», приведшей к гибели десятков работников.

Углубляясь в перипетии развития профсоюзного движения, автор рассказывает, что и как профсоюзы делали на разных этапах. Он описывает крайне непростую ситуацию, связанную с тем, как профсоюзы удерживают свое членство и пытаются решать актуальные проблемы. Традиционные профсоюзы, входящие в состав ФНПР, действуют несколькими способами: распределение благ и воздействие на работодателя через внешних акторов, таких как региональная и федеральная власть, политические партии, провластные общественные организации и т.п. Нельзя сказать, что они многого добились такими методами, но и отрицать, что им удается удовлетворять некоторые наиболее актуальные требования и просьбы работников, нельзя.

Иначе обстоят дела у альтернативных профсоюзов, которые изначально делали ставку на конфликт, пусть даже и в рамках правового поля: направляя материалы в прокуратуру, Гострудинспекцию и обращаясь в суды. Хотя, конечно, главным их оружием были коллективные действия — забастовки, пикеты, митинги, протесты и т.п.

Но итог, который стал вполне очевиден к концу 2010-х годов, был ожидаем. Профсоюзы, выбравшие своей стратегией то, что Грамши называл трансформизмом, то есть вписывание в политическую и управленческую структуру, сохранили и собственные организации, и определенное влияние, которое помогало им решать некоторые проблемы своих членов. Для большинства альтернативных профсоюзов, пытавшихся действовать иначе, «коридор возможностей» значительно сузился, и они встали на грань исчезновения. Деятельность многих из них свелась к «борьбе за выживание», бесконечным судебным процессам, где они пытались восстановить уволенных профсоюзных лидеров и активистов.

Но апогеем беспомощности профсоюзов стала эпопея с повышением пенсионного возраста, с которым категорически были не согласны не только работники, но и большинство населения. Руководство профсоюзов не захотело противостоять этому решению, а низовые организации не смогли мобилизоваться и сформировать централизованную кампанию по противодействию столь непопулярной реформе.

Некоторые организации нашли еще один способ выживания — развитие профсоюзных сервисов. Не имея возможности защитить права, заключить коллективное соглашение, профсоюзы — как традиционные, так и альтернативные — стали организовывать правовые консультации «только для членов профсоюза». Речь шла как о том, чтобы получить грамотный совет от юриста-трудоустроителя, так и о том, как действовать в случае несправедливого штрафа, необоснованного депремирования или незаконного увольнения. Появились возможности для получения дисконтных карт в местных торговых сетях, льготных поездок в столичные города на культурно-массовые предприятия,

выезды на природу и т.п. Даже были попытки, в том числе удачные, по созданию кредитных союзов.

М. Кулаев рассматривает «сервисную» функцию профсоюзов как еще один шаг в сторону трансформизма и, как следствие, отдаление от шансов на установление гегемонии работников и профсоюзов. Но не только это свидетельствует о выборе российскими профсоюзами трансформистской стратегии. Автор подробно, с большим количеством деталей, рассматривает, как профсоюзы взаимодействуют с общественными организациями и политическими партиями. Размер рецензии не позволяет детально рассматривать такое сотрудничество, тем более что почти все примеры сводятся к тому, что профсоюзы, либо подстраиваются под тех, кто предлагает сотрудничество, либо напрямую подчиняются их требованиям. Все это происходит в рамках того самого трансформизма.

Подводя итоги, можно сказать, что книга М. Кулаева — это, безусловно, вклад в теорию трудовых отношений современного российского общества. Сделана попытка с теоретических позиций изучить столь многогранное явление, как профсоюзы. Сложность этой задачи в том, что они за рассматриваемый автором период довольно сильно трансформировались. Начиналось с одного — новые демократические организации, активно участвующие в формировании трудовых отношений, а спустя три десятилетия — уже организации, ради выживания встраивающиеся во властные и корпоративные структуры. Говорить о гегемонии, о формировании исторических блоков и тем более национальных интересов, для которых, по мнению А. Грамши, нужна гегемония, не приходится. Но профсоюзы, растерявшие многие свои преимущества и достижения, сохраняют социально-экономический статус, они по-прежнему значимые акторы регулирования трудовых отношений и способны влиять на ситуацию.

Читатели встретят в книге разные сюжеты. Те, кто хочет ознакомиться с историей постсоветских профсоюзов, найдут там огромный объем информации об их активности, дискурсе и взаимодействиях. Разумеется, это не энциклопедия, но тем не менее подробная и добросовестная хронология жизни рабочих и профсоюзных организаций. Те, кого интересуют теоретические проблемы, могут узнать, как на основе грамшианской теории, о которой нечасто вспоминают, анализируются современные явления. В своей книге М. Кулаев показывает, что такой подход может использоваться достаточно плодотворно, хотя оснований для полемики здесь возникает немало. В любом случае предлагаемая книга станет вкладом в изучение истории и роли профсоюзов. С ней будут соглашаться, будут оспаривать ее выводы, но ее будут читать и изучать.

Литература/References

Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

Bowles S. (2017) *Moralnaya ekonomika. Pochemu khoroshiye stimuly ne zamenyat khoroshikh grazhdan* [The Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens.]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara.

Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения большинства. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С.189–195.

Gordon L. A., Klopov E. V. (2000) *Poteri iobreteniyav Rossii devyanostykh: Istoriko-sotsiologicheskiye ocherki ekonomicheskogo polozheniya bolshinstva. T. 1.* [Losses and Gains in Russia in the Nineties: Historical and Sociological Essays on the Economic Situation of the Majority. Vol. 1.]. Moscow: Editorial URSS. P. 189–195

Ильин В. И. Социальное неравенство. М.: Издательство «Институт социологии РАН», 2000. С. 213–214.

Ilin V. I. (2000) *Sotsialnoye neravenstvo* [Social Inequality]. Moscow: Izdatelstvo "Institut sotsiologii RAN". P. 213–214

Кругман П. Кредо либерала. М.: Издательство «Европа», 2009.

Krugman P. (2009) *Kredo liberala* [The Liberal's Creed]. Moscow: Izdatelstvo "Yevropa".

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.

Stiglits Dzh. (2015) *Tsena neravenstva. Chem rassloyeniye obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of Inequality. How the Stratification of Society Threatens Our Future]. Moscow: Eksmo.

Scott J. C. (1976) *The Moral Economy of the Peasant Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0022050700106035>

Сведения об авторе:

Бизюков Пётр Вячеславович — ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН — филиал ФНИСЦ РАН, руководитель независимого проекта «Мониторинг трудовых протестов», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** bizyukov.pb@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** [714792](https://elibrary.ru/author_index.action?id=714792).

Статья поступила в редакцию: 21.08.2024

Принята к публикации: 10.09.2024

БАК: 5.4.1, 5.4.4

Hegemony and Transformism: Post-Soviet Trade Unions as an Object of Study

DOI: [10.19181/inter.2024.16.3.6](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.6)

Petr V. Bizyukov

Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

E-mail: bizyukov.pb@gmail.com

The article discusses Maksim Kulaev's book "Trade Unions, Workers' Movements, and Hegemony in Contemporary Russia", which is dedicated to the history of trade union and workers' movements in the post-Soviet era. The author attempts not only to reconsider what has happened to trade unions over the last thirty years but also to make sense of them drawing on Antonio Gramsci's theory, which emphasized the need for the formation of hegemony as a sociocultural framework rather than purely political framework, enabling the establishment

of value foundations for the dominance of the working class and resistance to the dominant hegemony of capitalist elites.

The book chapters, in which the author describes the history, discourse, and interactions of trade unions with various political forces and social movements, are undoubtedly valuable. Importantly, this analysis is built on a vast array of diverse information — observations, documents, interviews, and data by other researchers. This allowed the author to critically reassess the data obtained in the 1990s, a time when much was still unknown and unclear. Now, this work represents a significant milestone, providing a perspective on the post-Soviet development of the workers' and trade union movements after a quarter of a century. The book is of interest to researchers studying social structures, trade union and workers' movements, and socio-labor relations.

Keywords: trade unions; labor movement; hegemony; transformism; labor relations

Author Bio:

Petr V. Bizyukov — Research Associate, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, Head of the Project "Monitoring of Labor Protests", St. Petersburg, Russia. **E-mail:** bizyukov.pb@gmail.com. **RSCI Author ID:** [714792](#).

Received: 21.08.2024

Accepted: 10.09.2024